

— **МАРИЭТТА** Омаровна, когда вы поняли, что тот человек, которым вы являетесь? Когда вы сами с собой встретились?

— Наверное, этих встреч было несколько — в разные годы. Наукой хотела заниматься всегда, должно быть, раньше даже, чем получила самое отдаленное представление о том, что она такое. Недавно вспомнила, как в пятом классе учительница рукоделия Надежда Матвеевна на уроке долго выговаривала мне за неудачи с художественной гладью: я никак не могла дотянуть в ту четверть до пятерки, только на четверку получались у меня цветочки на подушечке... Я стояла за партой, покорно слушала — все было справедливо. И вдруг учительница, увлекшись, сказала: «Каждая женщина должна уметь вышивать! Чем бы она в жизни ни занималась, ей все равно понадобится вышивание!».

И прежде чем я успела себя остановить, услышала свой голос — будто со стороны: «Мне не понадобится!». «Как это?!» — восклицает учительница. «Мне будет некогда вышивать». «А чем это ты будешь так занята?!» «Я буду занята научной работой», — сказала я твердо.

Не буду описывать немую сцену. Вот, наверное, это и была первая встреча с собой. Вторая произошла, я думаю, не раньше, чем лет в 25, когда после мучительных размышлений наступило то, что можно, наверное, назвать самоотжествлением. Но желание заниматься наукой не угасало с тех детских лет никогда.

— А что движет архивистом: уверенность или сомнения?

— И то, и другое, но на разные вещи обращенное.

Уверенность в беспорной значимости своего труда, в том, что он не бессмыслен — вот в чем прелесть этой работы. Я только что прочла в опубликованных недавно дневниках А. Я. Гинзбург очень верное, по-моему, рассуждение полувекковой давности: «Человек устроен так, что может удовлетвориться, считая себя мелкой сошкой, безвестно работающей в какой-то самой важной и нужной области, но он никогда не примирится с положением замечательного деятеля в никому не нужном деле. И это делает честь социальному чутью человека».

Вы понимаете? Вот архивист и ощущает себя этой мелкой сошкой в безусловно важном деле. Он уверен, что при любых обстоятельствах рукопись должна быть тем не менее описана, опознана и обработана. У него все время есть ощущение, что он участвует в безусловно полезном деле.

Сомнение же в каждом отдельном случае — часть профессиональной методики. Верующий в собственную необходимость, архивист все время должен себе не доверять. Ему кажется, что вот это — почерк такого-то лица. Он непременно должен сличить его с несколькими разновременными рукописями того же лица.

Под стихами подпись известного поэта, но это ни о чем не говорит. Архивист дол-

жен искать эти стихи по всем изданиям, и так каждый раз до полной уверенности. Это и называется научной экспертизой, научной обработкой рукописи.

Скажу и другое: в 60-е годы для меня было крайне важно не дать архиву исчезнуть, принять его на хранение. Сегодня же все более значительной становится для меня другая сторона: доступность документа для тех, кто пришел в архив именно за ним, научная пропаганда архивных фондов.

— Как формируется архив — понятно, а как формируется архивист?

207 Воскресные ВСТРЕЧИ МК

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

МАРИЭТТА ОМАРОВНА ЧУДАКОВА — ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР, АВТОР КНИГ «ЭФФЕНДИ КАПИЕВ», «МАСТЕРСТВО ЮРИЯ ОЛЕШИ», ПРИНЕСШИХ ЕЙ ДИПЛОМ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ МОСКОВСКОГО КОМСОМОЛА, «ПОЭТИКА МИХАИЛА ЗОЦЕНКО», «АРХИВ М. А. БУЛГАКОВА. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ».

СЕЙЧАС МАРИЭТТА ОМАРОВНА ЧУДАКОВА — СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕКЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ.

— Конечно, уже в историко-архивном институте. Но работать в архивы приходят и историки, и филологи. Начинается овладение методикой работы с архивным документом. Не менее важно: приходит понимание целей своей деятельности. Главная цель — подготовить документ к использованию его наукой и предоставить возможность ученым работать с ним. Тот, кто не видит этой последней задачи, — не может быть сегодня назван архивистом.

— Архивист занимается делом сбережения документов. Следует ли из этого, что он тем самым подталкивает людей к созданию этих самых документов?

— Конечно, но не тем самым. Прежде всего — пропагандой архивного дела. После моей книги многие читатели начали писать воспоминания. Например, приехал в Москву калужанин В. С. Зотов, чтобы показать мне начало своих воспоминаний, причем, как он сказал, вызванных моим призывом. Он дописывал их во время смертельной болезни, твердо зная, что умирает, и сообщал мне о ходе работы. После его смерти друг по его просьбе привез этот материал и сдал в отдел рукописей ГБА.

— **ЧИТАТЕЛИ** очень живо реагируют на ваши работы. А вам каким пред-

ставляется ваш читатель? Он для вас конкретен, как для лектора—слушателя в аудитории, или для вас это аудитория вообще?

— В юности существовали конкретные адресаты, какой-то круг людей, оценка которых была важна, и ожидание ее стимулировало работу. Но с годами это меняется. Количество и даже качество конкретных читательских откликов ничего не решает. Важны, может быть, те несколько отзвучков, которые были восприняты как сигнал «вас слышат». Более ничего не надо.

...несовершенна, чему есть множество примеров. Скажем, в книге С. Рейсера «Палеография и текстология» приводится следующий пример: Н. Чернышевский, составляя по возвращении из ссылки в 1888—1889 годах списки своих статей, против знаменитой рецензии на «Детство и отрочество» Л. Толстого (где сформулирован был среди прочего ныне известный всем школьникам его тезис о «диалектике души» как характерной особенности художественной манеры молодого писателя) написал: «едва ли». «К счастью, — прибавляет автор книги, — сохранился автограф и список, составленный им же в 1861 году, где эта рецензия значится».

— А для чего хранить, допустим, все варианты и тексты произведений писателей, чьи собрания сочинений давно изданы и выверены? Не говоря о культурно-исторической, научная необходимость в этом имеется?

— Предел в чтении рукописей, видно, не положен. Готовя, например, текст дневника А. Суворина для переиздания, литературовед Н. Роскина обнаружила, что запись одного из чеховских высказываний в изданном тексте выглядит так: «Я не могу утешиться тем, что сольюсь с вздохами и муками в мировой жизни, которая имеет цель», тогда как в рукописи: «...с козявками и мухами». Вот зачем нужны рукописи напечатанных текстов!

— **Вы** поклонник документа. А как вы относитесь к вымыслу? К фантастике, например?

— Классе в шестом я узнала, что за всю свою жизнь человек может прочесть всего 8—9 тысяч книг. Меня эта цифра поразила. Я поняла, что терять времени не имею права, и запретила себе читать фантастику. И вновь вернулась к этому уже лет через пятнадцать.

Время от времени я и сама пишу фантастические рассказы. Первый написала совершенно неожиданно для себя, и наслаждение, которое испытала тогда, не сравнимо ни с чем.

— **Принято спрашивать о наставниках. Были ли они у вас?**

— В первую очередь ими были мои родители. В семье было пятеро детей, материальные условия были очень стесненные. Родители требовали от детей одного — чтобы учились отлично. Другие требования формулировались редко, но как-то витали в воздухе.

В первом классе, помню, меня удивляло, что отец в одних случаях повторял спокойно: «Твоя четверка для меня все равно что двойка» (и мог несколько дней не разговаривать с «четверочницей», как называл меня презрительно), а вспылывал за какие-нибудь мои проступки, заявляя возмущенно: «Мне наплевать на твои пятерки — мне надо, чтобы ты была человеком!».

Я все думала: так что же для него важно? Но поймать на противоречии не решалась. А с годами как-то стало ясно, что он был прав в обоих случаях и противоречия тут нет.

О. НИЛЬСЕН.

8 АВГ 1982

Московский Комсомолец г. Москва